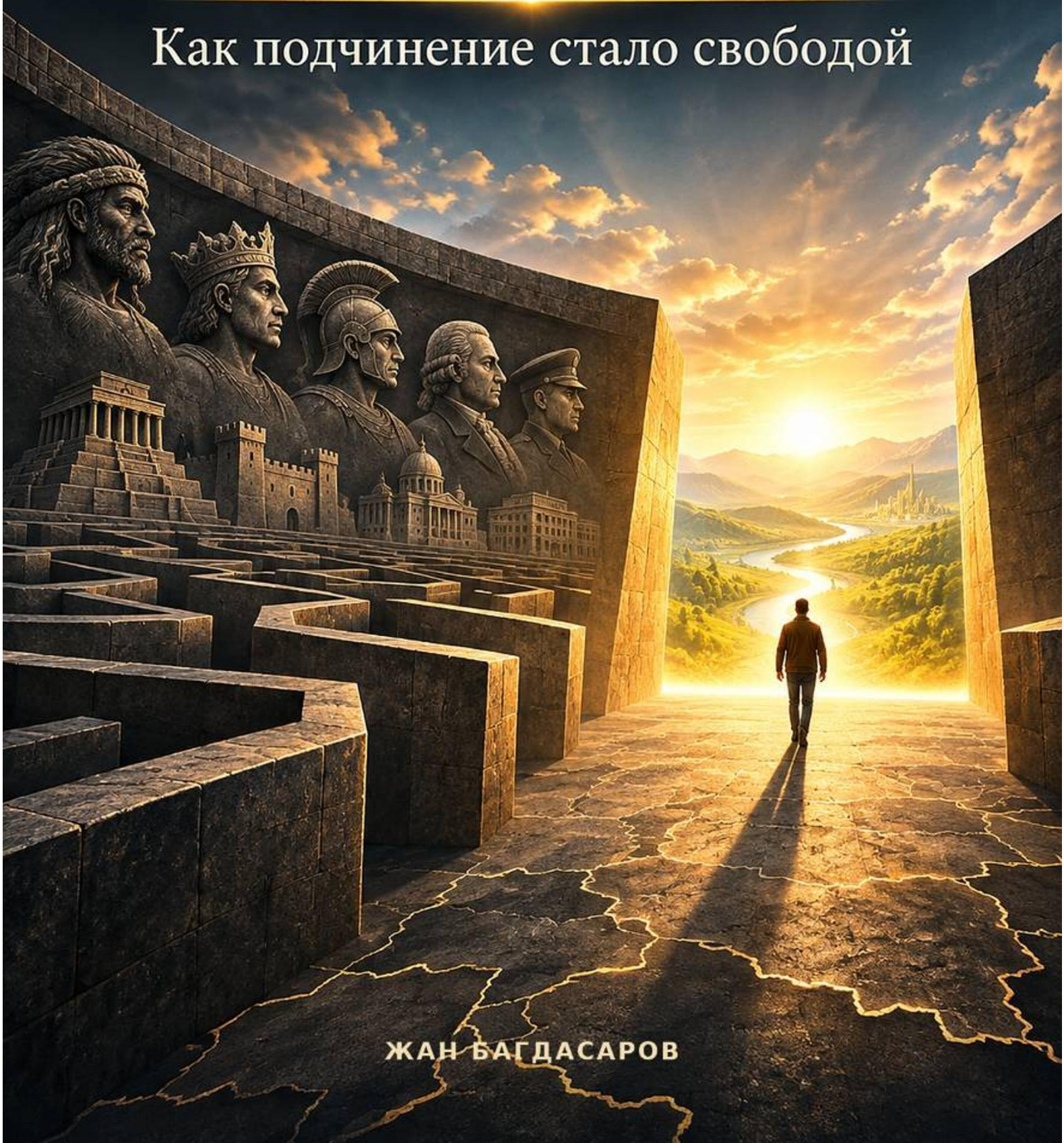
ДОБРОВОЛЬНО ПО ПРИНУЖДЕНИЮ

Как подчинение стало свободой

ЖАН БАГДАСАРОВ

Жан Багдасаров

Добровольно по принуждению

«Автор»
2026

Багдасаров Ж. Г.

Добровольно по принуждению / Ж. Г. Багдасаров — «Автор», 2026

Мы привыкли считать государство естественной и необходимой частью человеческой жизни. Но кто и когда решил, что одни люди имеют право управлять другими?Как добровольная помощь превратилась в обязанность? Почему защитники общества постепенно стали его хозяевами? Кто дал государству право распоряжаться нашими деньгами, собственностью и свободой?«Добровольно по принуждению» — увлекательное путешествие через тысячелетия человеческой истории: от первых вождей и древних империй до современных налогов, границ, банков и цифрового контроля.Но эта книга не только о прошлом. Она о будущем, в котором привычные государства могут исчезнуть, уступив место совершенно новым системам управления.Мир меняется. Технологии развиваются. Почему же мы продолжаем жить по политическим принципам, возникшим тысячи лет назад? Возможно, государство — не вершина человеческой цивилизации, а лишь один из этапов её развития.

© Багдасаров Ж. Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Добровольно 5
Предисловие. Мир после государства 6
Часть I. Как рождается власть 9
Глава 1. Как человек придумал власть 10
Глава 2. Вождь и бананы 13
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Жан Багдасаров
Добровольно по принуждению

Добровольно
по принуждению

Как подчинение стало свободой
История власти, пределы государства и будущее свободного человека

Предисловие. Мир после государства

Представим человека, который родится через триста лет. Однажды ему попадётся старая карта мира, разделённая на разноцветные участки, и он с удивлением узнает, что жители этих участков когда-то не могли свободно перемещаться между ними. Чтобы пересечь воображаемую линию, проведённую по земле, реке или горному хребту, требовался документ, выданный одной властью и признанный другой; место рождения определяло, где человек имел право жить и работать, а за нарушение установленного порядка его могли задержать, оштрафовать или отправить обратно. Нашему далёкому потомку придётся объяснять и другое: почему человек, создавший собственным трудом дом, предприятие или накопления, не всегда мог распоряжаться ими без разрешений; почему правила, действовавшие при рождении его детей, через двадцать лет могли измениться без его согласия; почему организация, существовавшая на средства людей, обладала правом определять, какие поступки этим людям дозволены.

Для нас всё это привычно. Мы видим паспорт и думаем о путешествии, видим границу и думаем о карте, видим налог и думаем о бюджете. Мы настолько привыкли к устройству современного общества, что перестали замечать в нём историческую странность: родившийся свободным человек почти сразу оказывается включён в систему обязательств, которую не выбирал, не подписывал и не может покинуть так же просто, как покидают обычное добровольное объединение. Ему говорят, что так устроен мир. Чаще всего этого объяснения оказывается достаточно, потому что никто из окружающих не помнит другого мира.

Но люди много раз принимали временное за вечное. Когда-то казалось естественным, что один человек может принадлежать другому, что власть передаётся по крови, что рождение определяет сословие, а правитель распоряжается жизнью подданных по праву, полученному от предков или небес. Эти порядки веками обладали законами, судами, церемониями и множеством людей, искренне уверенных в их необходимости. Затем менялись хозяйство, знания, представления о человеческом достоинстве, и то, что вчера считалось основой цивилизации, становилось страницей исторического учебника. Государство тоже имеет историю. Следовательно, у него может быть и будущее, не похожее на настоящее.

Эта книга начинается там, где власть ещё не имела ни конституции, ни министерства, ни герба. У костра стоял человек, который мог отнять у соседа часть добычи. Другой человек помогал общине, распределял запасы, мирил ссорящихся и постепенно приобретал особое положение. Возле амбара появлялась охрана, возле охраны — тот, кто отдавал приказы, возле приказа — обычай, а возле обычая — право требовать исполнения. Сменялись поколения, росли города, писцы заносили долги и поставки на глиняные таблички, правители завоёвывали соседей, философы объясняли природу законной власти. Многое менялось, но один вопрос оставался: как полезная для общества функция превращается в право распоряжаться самим обществом?

Ответ на этот вопрос нужен не только для разговора о прошлом. Он помогает увидеть настоящее, в котором древние механизмы продолжают существовать под современными названиями. Когда-то властитель посылал сборщика за частью урожая; сегодня обязательства рассчитывает компьютер. Когда-то стражник не выпускал человека за ворота без знака правителя; сегодня границу охраняет система, способная проверить его биографию за секунды. Когда-то писец вёл счёт запасам храма; теперь сложнейшие реестры сообщают учреждениям о собственности, доходах и передвижениях миллионов людей. Устройство стало несравнимо совершеннее. Само право организации устанавливать условия человеческой жизни часто воспринимается с прежней покорностью.

Между тем развитие цивилизации всегда заключалось не только в появлении новых инструментов, но и в отказе от старых способов организации жизни. Город перестал нуждаться

в крепостной стене, чтобы оставаться городом; торговля вышла далеко за пределы местного рынка; знания перестали принадлежать узкому кругу хранителей рукописей. Сегодня люди могут сотрудничать, учиться, работать, заключать сделки и создавать сообщества, ни разу не встретившись лично и находясь на разных концах планеты. Расстояние, которое когда-то разделяло людей на почти самостоятельные миры, больше не обладает прежней силой. И всё же политическая карта продолжает делить человечество на территории с разными хозяевами правил.

Когда государство возникало и крепло, управление большой территорией требовало цепочки приказов, чиновников, гарнизонов и обязательных сборов. Без центра было трудно узнать, сколько зерна осталось в провинции, кто обязан чинить дорогу, где возник спор и как передать решение в дальний город. Сегодня передача сведений почти мгновенна, координация огромных систем возможна без единого дворца, а новые технологии открывают способы проверять исполнение договоров, распределять ответственность и принимать общие решения, которых не могли вообразить ни древний царь, ни законодатель позапрошлого столетия. Искусственный интеллект, открытые информационные протоколы и распределённые системы учёта способны изменить не только скорость управления, но и саму необходимость привычной властной вертикали.

Представить мир без государства — не значит представить мир без порядка. Дороги по-прежнему должны строиться, больные — получать помощь, насилие — встречать сопротивление, а конфликты — разрешаться. У людей останутся общие интересы, различия, ошибки, честолюбие и потребность договариваться. Но необходимость решать общие задачи не обязывает нас вечно сохранять именно ту политическую конструкцию, которая складывалась в эпоху зерновых складов, крепостных стен и конных посланцев. Можно вообразить управление, в котором полномочия передаются на определённый срок и для определённого дела, решения проверяются независимо, правила нельзя бесконечно переписывать в пользу самих управляющих, а права человека не зависят от того, по какую сторону государственной границы ему довелось родиться.

Такой мир ещё предстоит создать. В нём предстоит найти надёжные способы защищать слабого, сдерживать насилие, финансировать общее и принимать решения, затрагивающие миллионы людей. Но человечество уже не раз решало задачи, которые для предшествующих поколений выглядели неразрешимыми. Мы научились передавать голос через океан, лечить болезни, прежде уносившие целые города, и связывать в единую сеть людей, разделённых тысячами километров. Следующая большая перемена может произойти не в машинах, а в отношениях между человеком и организацией, которой он поручает часть общих дел.

Новые технологии могут служить и свободе, и контролю. Именно поэтому будущее нельзя свести к мечте о том, что однажды появится достаточно умный компьютер и отменит все проблемы. Настоящая перемена начнётся с другого понимания власти: не человек должен объяснять, почему он заслуживает свободы, а любая организация, претендующая на право его ограничивать, должна постоянно подтверждать необходимость и пределы своих полномочий. И если в один прекрасный день эти полномочия окажется возможно разделить между независимыми, прозрачными и добровольно создаваемыми структурами, привычное государство перестанет быть единственным мыслимым ответом на вопрос об общественном порядке.

Через двести или триста лет границы, возможно, будут выглядеть столь же архаично, как для нас выглядят сословные перегородки. Люди продолжат говорить на разных языках, любить родные города, хранить свои традиции и спорить о том, как им жить, но для этого им больше не понадобится превращать место рождения в политическую судьбу. Принадлежность к культуре не будет означать принадлежности к государству, а возможность жить среди других людей не будет зависеть от разрешения чужой администрации. Мир не станет одинаковым. Он

сможет стать свободнее именно потому, что многообразию больше не потребуется разделение человечества на подданных разных властей.

Путь к такому будущему начинается с довольно неудобного вопроса: почему мы вообще считаем нынешнее устройство естественным? Чтобы ответить на него, придётся проследить, как возникало право приказывать, как привычка превращалась в обязанность, как защита становилась властью, а власть училась представлять собственное существование необходимым условием любого порядка. Мы увидим, какие обещания государство исполняло, какие нарушало и почему даже полезные учреждения приобретают интересы, отличные от интересов людей, ради которых появились. И тогда можно будет перейти к следующему, гораздо более важному разговору: какие из этих функций нужны человечеству и каким способом оно сможет выполнять их без старой формы принуждения.

Сегодня ещё невозможно назвать будущую систему управления и определить, сколько поколений понадобится, чтобы она сложилась. Наши предки тоже не знали названий институтов, которые однажды заменят власть наследственных монархов. Но отсутствие готового чертежа никогда не делало будущее невозможным. Оно означало лишь, что чертёж ещё предстоит придумать. Мы привыкли считать государство судьбой, потому что родились внутри него. Однако человек способен менять не только свои инструменты и жилища, но и правила совместной жизни.

И если эта книга чего-то добивается, то прежде всего одного: вернуть читателю чувство, что история не закончилась. Государство не является последним изобретением человечества. Границы не высечены в устройстве Вселенной. Право распоряжаться собственной жизнью не должно навсегда оставаться разрешением, выдаваемым кем-то другим. Впереди может быть мир, в котором общественный порядок существует ради свободного человека, а не свободный человек — по милости общественного порядка. И такой мир стоит не только представить, но и однажды построить.

Часть I. Как рождается власть

Глава 1. Как человек придумал власть

Представим себе небольшое поселение в ту эпоху, когда человек уже научился более или менее уверенно добывать пищу, делать оружие и различать своё и чужое, но ещё не придумал ни государства, ни чиновника, ни закона в том значении, которое мы вкладываем в это слово теперь; несколько десятков семей живут рядом, знают друг друга в лицо, помнят старые обиды, совместные охоты, умерших родственников и чужие слабости, а потому никакой особой административной машины им, в сущности, пока и не требуется — достаточно памяти, привычки и силы.

Среди этих людей почти наверняка находится один, с которым остальные предпочитают не спорить, причём вовсе не потому, что он мудрее, справедливее или способен лучше всех предсказывать погоду, а потому, что он крупнее, агрессивнее и достаточно убедительно однажды продемонстрировал, чем заканчивается несогласие с его желаниями; лучшая часть добычи оказывается возле его костра, самые привлекательные женщины предпочитают не испытывать судьбу, а те, кто возвращается с охоты, знают, что часть мяса придётся отдать человеку, который сам в этой охоте, возможно, участия не принимал, но зато вполне способен испортить жизнь тому, кто решит поставить под сомнение сложившийся порядок.

На первых порах такая власть почти не нуждается ни в объяснении, ни в идеологии, поскольку объяснение находится перед глазами: человек сильнее, а потому может взять больше, и если кто-нибудь считает подобный порядок несправедливым, ему предоставлена древнейшая форма политической дискуссии — возможность попробовать изменить его силой. Именно здесь власть ещё остаётся личной, почти животной, зависящей от мышц, быстроты реакции и способности внушать страх, однако у неё обнаруживается один серьёзный недостаток, который рано или поздно должен был заметить даже самый грубый вожак: каким бы сильным он ни был днём, ночью он становится обычным спящим человеком, которого может убить тот, кто никогда не победил бы его в честной схватке.

Так появляется первая настоящая политическая необходимость — не победить соперника, а сделать собственную власть независимой от постоянной готовности драться; возле вожака постепенно собираются несколько мужчин, которых он кормит лучше остальных, одаривает оружием, делится с ними добычей и предоставляет им то, что во все времена оказывалось одной из самых привлекательных человеческих привилегий, — возможность применять силу не только в собственных интересах, но и от имени чего-то большего, чем они сами.

С этого момента устройство племени меняется гораздо сильнее, чем может показаться, потому что теперь обычному охотнику противостоит уже не один сильный человек, которого при удаче ещё можно победить или убить, а небольшая группа, связавшая своё благополучие с сохранением существующего порядка; их тоже нужно кормить, им тоже требуется оружие, они тоже претендуют на лучшую долю, и потому тот кусок общей добычи, который раньше уходил одному вожаку, постепенно увеличивается, становясь платой уже не за личную силу одного человека, а за существование целого аппарата, пусть пока состоящего всего из нескольких вооружённых мужчин.

Именно здесь возникает нечто принципиально новое: вождю больше не требуется оставаться самым сильным, потому что его сила теперь находится не в собственных руках, а в людях, заинтересованных в его власти; он может стареть, становиться слабее, хуже видеть, медленнее ходить и всё равно сохранять положение, а когда у него появляется сын, которому не досталось ни отцовской храбрости, ни его физической силы, обнаруживается ещё более удивительная вещь — наследнику вовсе не обязательно обладать качествами, благодаря которым власть когда-то возникла, если вместе с именем отца он наследует охрану, запасы, привычку окружающих подчиняться и убеждение, что именно эта семья имеет право повелевать.

Так власть впервые отделяется от человека и начинает существовать сама по себе, а это, вероятно, и есть один из важнейших моментов человеческой истории, потому что отныне для сохранения порядка уже не требуется каждый раз заново доказывать превосходство: вчера люди подчинялись сильному, сегодня — его сыну, завтра — его внуку, а ещё через несколько поколений сама мысль о том, что правитель должен лично заслужить право управлять, начинает казаться почти столь же странной, как требование, чтобы владелец дома каждый год заново выигрывал его в драке у соседей.

По мере того как поселение растёт, власть сталкивается с новой проблемой, куда менее романтической, но гораздо более важной, чем любая битва, потому что несколько сотен, а затем несколько тысяч людей уже невозможно держать в голове так, как держат в памяти родственников и соседей; надо знать, сколько собрано зерна, кому принадлежат стада, кто должен участвовать в работах, кто уже принёс положенную долю, кто уклоняется, у кого родился сын, способный через несколько лет стать воином, и кто умер, оставив после себя землю, которую необходимо кому-то передать.

Вот в этот момент рядом с человеком, который умеет бить, появляется человек, который умеет считать, и роль второго очень скоро оказывается едва ли не важнее роли первого, потому что сила способна заставить крестьянина отдать один мешок зерна, тогда как учёт позволяет узнать, сколько мешков вообще существует, кому они принадлежат и сколько можно потребовать так, чтобы хозяйство не исчезло вместе с хозяином.

Именно поэтому ранняя история государства так тесно переплетена с историей письма. В Южной Месопотамии, где к концу IV тысячелетия до нашей эры росли большие города и храмовые хозяйства, человек начал оставлять на глине знаки не потому, что внезапно почувствовал непреодолимую потребность сообщить потомкам о любви, одиночестве или устройстве Вселенной, а потому, что кому-то понадобилось помнить, сколько зерна поступило на склад, сколько выдано работникам, сколько животных принадлежит хозяйству и какие обязательства остаются невыполненными.

В этом есть почти комическая, хотя и очень выразительная подробность: письменная цивилизация начинается не с поэта, а с бухгалтера, и именно бухгалтер, а не воин, делает возможным большое государство, потому что власть над тысячами людей требует прежде всего не большего количества мечей, а способности превращать человеческую жизнь в сведения, которые можно хранить, сравнивать и использовать.

С этого момента путь уже хорошо узнаваем, хотя между шумерской табличкой и современной базой данных пройдут тысячелетия: чем лучше власть знает, кто где живёт, чем владеет, сколько производит и какие обязательства на нём лежат, тем меньше ей приходится полагаться на случай, личную память или грубую силу; государство взрослеет именно тогда, когда перестаёт приходить за урожаем вслепую и начинает заранее знать, сколько урожая должно существовать.

И здесь появляется тот политический механизм, который в дальнейшем будет повторяться снова и снова под разными названиями. Пока вооружённый человек просто отнимает часть добычи у другого, происходящее не нуждается в философском объяснении, однако по мере того как изъятие становится регулярным, обрастает охраной, учётом, правилами и привычкой, меняется не столько само действие, сколько его общественный смысл: вчера это считалось грабежом, сегодня — данью, позже — податью, ещё позже — налогом, и каждое новое поколение уже рождается внутри порядка, где сама обязанность делиться частью произведённого с властью кажется такой же естественной, как смена времён года.

Мансур Олсон много тысяч лет спустя опишет эту логику через знаменитый образ оседлого бандита, который в отличие от разбойника-кочевника не заинтересован разорить деревню до основания, потому что собирается вернуться за своей долей и на следующий год; поэтому

ему выгодно, чтобы крестьянин сеял, торговец торговал, дорога оставалась безопасной, а чужие разбойники не забирали то, что правитель уже мысленно считает своим.

Получается удивительный и, пожалуй, один из самых долговечных парадоксов политики: тот, кто живёт за счёт изъятия части чужого труда, постепенно становится защитником источника собственного дохода, а поскольку защита действительно приносит пользу, первоначальное принуждение приобретает всё более убедительное оправдание и в конце концов начинает выглядеть не как результат силы, а как естественный порядок вещей.

Именно отсюда я предлагаю начинать историю государства — не с дворца, не с короны и не с величественной стены древнего города, а с гораздо более простой сцены, в которой один человек впервые понял, что гораздо выгоднее не ограбить соседа один раз, а убедить его и всех его потомков в том, что часть каждой будущей добычи принадлежит ему по праву.

Глава 2. Вождь и бананы

В предыдущей главе власть возникала довольно грубым и понятным способом: сильный человек обнаруживал, что может получать больше остальных, затем окружал себя теми, кто был заинтересован в сохранении его положения, и постепенно личное физическое превосходство превращалось в нечто гораздо более долговечное, способное пережить и старость самого вождя, и даже его смерть. Однако у власти существует и другой путь, куда менее заметный и оттого, возможно, ещё более интересный, потому что начинается он вовсе не с насилия, а с доброго дела.

Представим то же небольшое поселение, где все знают друг друга, где память о помощи и обиде сохраняется десятилетиями и где один человек действительно оказывается полезнее большинства: он лучше других организует охоту, умеет договариваться с соседним племенем, первым замечает приближающуюся опасность, обладает хорошей памятью на старые соглашения и, что особенно важно, не прячет добычу, когда у соседней семьи нечем кормить детей. Если случается неурожай, именно он отправляется договариваться о помощи; когда через год положение меняется и уже соседи оказываются в беде, он первым напоминает, что долг чести следует вернуть, собирает запас и организует ответный подарок, благодаря чему вчерашняя помощь не превращается в унизительную зависимость.

Его ещё никто не назначал вождём, да и самого слова, возможно, не существует, однако люди всё чаще приходят к нему за советом, потому что советы оказываются разумными, а в сложной ситуации предпочитают, чтобы говорил именно он, поскольку у него лучше получается договориться без драки там, где другие уже схватились бы за оружие.

Однажды после удачной охоты кто-нибудь говорит:

— Отнесём ему лучшую часть, он ведь снова устроил всё так, что никто не остался без мяса.

Никто не возражает, потому что решение кажется совершенно справедливым, а сам человек, получивший больше остальных, вполне может тут же разделить значительную часть подарка между стариками, родственниками и теми, кому сегодня не повезло.

Пока всё происходит именно так, властью это ещё трудно назвать, поскольку перед нами скорее авторитет, основанный на личных качествах и постоянно подтверждаемый поведением: перестань этот человек помогать, стань мелочным, жадным или несправедливым, и люди постепенно перестанут идти к нему, найдя того, кто справляется с общей работой лучше.

Антропологи обнаружили замечательные примеры подобного устройства в Меланезии, где существовал тип лидера, вошедший в литературу под английским названием Big Man — «большой человек». В отличие от привычного нам наследственного вождя, такой лидер не получал должность однажды и навсегда, а должен был почти непрерывно подтверждать собственное положение, создавая вокруг себя сеть союзников, родственников, должников и людей, которым он когда-то помог, причём одним из важнейших способов приобретения престижа становилась не способность накопить как можно больше богатства, а способность это богатство собрать и затем демонстративно раздать.

Особенно ярко подобное соперничество проявлялось в высокогорьях Новой Гвинеи, где большие церемониальные обмены, известные как moka, могли превращаться в настоящее соревнование щедрости: влиятельный человек собирал огромное количество свиней и других ценностей, после чего передавал их другой группе, причём желательно было подарить больше, чем когда-то получил сам, потому что превосходство измерялось здесь не количеством спрятанного богатства, а масштабом того, что человек способен провести через собственные руки.

На первый взгляд перед нами почти идеальная противоположность властителю, каким мы привыкли его представлять: чтобы стать выше остальных, человек вынужден не забирать, а отдавать.

Но здесь-то и начинается самое интересное.

Чтобы раздать сто свиней, надо сначала где-то взять сто свиней, а поскольку даже очень талантливый человек не способен вырастить их в одиночку, за каждым грандиозным жестом щедрости стоят десятки гораздо менее заметных вкладов его родственников, сторонников, союзников и тех, кому он когда-то уже помог. Один приносит животное, другой корзину продуктов, третий отдаёт часть урожая, четвёртый помогает трудом, причём каждый отдельный вклад невелик и почти сразу растворяется среди остальных, тогда как финальное действие получается огромным, публичным и связано уже с именем одного человека.

На входе — множество маленьких подарков, а на выходе — один великий дар; тот, кто принёс одну корзину еды, довольно быстро перестаёт думать о себе как о благотворителе, тогда как семья, которой во время голода выдали пять корзин из большого запаса, прекрасно помнит, кто распорядился их выдать. Общество постепенно начинает видеть не десятки людей, благодаря которым возник запас, а одного человека, через руки которого этот запас прошёл.

Так появляется один из самых долговечных политических фокусов, хотя никакого обмана вначале может вообще не быть: расходы рассеиваются между множеством людей, а благодарность концентрируется в одном месте.

Через тысячелетия правитель будет открывать мост, хотя деньги на него собрали с населения, проектировали его инженеры, а строили рабочие; государство будет выплачивать помощь пострадавшим, хотя средства для этой помощи раньше поступили от других граждан, однако человеческая психология устроена так, что конкретный акт передачи заметнее длинной цепочки, которая сделала его возможным, а потому тот, кто распределяет общий ресурс, постепенно приобретает репутацию того, кто этот ресурс даёт.

В маленьком поселении всё начинается намного скромнее, но механизм тот же: человек, к которому стекаются дары, получает возможность превращать материальные вещи в отношения между людьми, помогая одной семье во время неурожая, поддерживая другого человека в споре, давая третьему больше, чем тот рассчитывал получить, а четвёртому обещая помощь через несколько месяцев. Щедрость перестаёт быть расходом и превращается в инвестицию, доходность которой измеряется не зерном и не мясом, а людьми.

Марсель Мосс, исследовавший дар в традиционных обществах, обратил внимание на вещь, которую современный человек прекрасно понимает и без всякой антропологии: подарок далеко не всегда освобождает человека, иногда он, наоборот, связывает его, потому что вместе с подарком появляется ожидание ответа.

Если почти незнакомый человек неожиданно вручит вам дорогой подарок, радость легко смешивается с лёгким беспокойством, поскольку возникает совершенно естественный вопрос: чего он теперь от меня хочет? Никакого договора не подписано, размер долга нигде не указан, однако отношения уже изменились, и вести себя так, словно ничего не произошло, становится труднее.

В маленьком обществе, где все помнят, кто кому помог десять лет назад, подобные обязательства способны образовывать огромную сеть, а человек, умеющий регулярно давать, постепенно оказывается в её центре.

Представим обычное собрание, на котором два человека предлагают разные решения. Один говорит разумно и убедительно, однако за ним стоит только его собственное мнение. Другой тоже говорит разумно, но один из слушателей вспоминает, как тот дал его семье зерно после плохого урожая, другой надеется получить от него помощь в будущем, третий женат на его родственнице, четвёртому он помог уладить старый конфликт, а пятому когда-то пода-

рил свинью, которую тот до сих пор не сумел вернуть равноценным даром. Формально никто никого не заставляет, однако слова уже имеют разный вес.

Именно поэтому щедрый лидер иногда оказывается сильнее просто физически сильного человека: сила заставляет подчиниться один раз, тогда как правильно созданное обязательство способно заставить человека прийти самому, искренне считая собственное решение свободным.

Со временем высокий статус начинает усиливать сам себя, потому что чем больше людей обращаются к одному человеку, тем больше у него возможностей помогать, а чем больше он помогает, тем больше новых людей становятся от него зависимыми; влияние начинает производить новое влияние, пока однажды общество уже не очень хорошо помнит, почему именно этот человек оказался в центре всех важных дел, зато прекрасно знает, что любое важное дело почему-то проходит через него.

Вначале ему передают общий запас потому, что он лучше других умеет им распорядиться, затем именно потому, что запас находится у него, он получает возможность помогать большему числу людей, а поскольку помогает он чаще остальных, его авторитет становится ещё выше, после чего решение передать ему следующий запас выглядит совершенно естественным. Так человек получает высокий статус благодаря полезности, а затем высокий статус сам начинает создавать новую полезность. Это один из самых простых механизмов рождения иерархии.

Однако пока всё держится на личной репутации, лидер остаётся уязвимым: если он перестал быть щедрым, начал разрешать споры исключительно в пользу родственников, утратил способность договариваться с соседями или просто состарился настолько, что уже не справляется с прежними обязанностями, люди могут постепенно начать обращаться к другому. Его положение велико, но оно пока принадлежит ему лично.

И вот однажды хороший вождь умирает.

Община обнаруживает, что вместе с ним исчез не просто человек, а целая система отношений: он помнил старые договоры с соседями, через него проходили церемонии и обмены, он знал, сколько хранится в общем запасе, какие семьи находятся между собой в родстве, кого с кем удалось когда-то примирить и кому что было обещано.

Начинать всё заново неудобно и даже опасно, и потому вполне разумной кажется мысль передать его функции тому, кто много лет находился рядом и лучше остальных знает, как всё было устроено. Например, сыну.

— Он ведь с детства сидел рядом с отцом на переговорах, — скажет кто-нибудь.

— Он знает людей из соседних поселений, — добавит другой.

— И отец наверняка объяснил ему, что кому обещано.

Решение кажется практичным и может оказаться совершенно удачным, потому что сын действительно получил опыт, которого нет у остальных.

Но после первого такого решения возникает прецедент, после второго — привычка, а после нескольких поколений происходит почти незаметная подмена: когда-то предка выбрали потому, что он обладал определёнными качествами, теперь качества начинают предполагаться у потомка потому, что он принадлежит к определённому роду. Причина и следствие меняются местами.

Именно здесь появляется то, что антропологи называют chiefdom, по-русски обычно — вождеством, то есть уже гораздо более институционализированная форма власти, при которой высокое положение всё меньше зависит от того, насколько конкретный человек сумел лично завоевать авторитет, и всё больше связано с его происхождением, родом и самим местом, которое он занимает в социальной структуре.

Различие между Big Man и наследственным вождём огромно: первый вынужден постоянно доказывать, что достоин стоять выше, потому что способен сделать больше, тогда как

второй постепенно получает право сказать, что стоит выше, а потому ему положено больше. С этого момента власть становится долговечнее человека.

Однако наследование положения создаёт ещё более глубокое изменение, которое легко не заметить, если смотреть только на фигуру вождя: вместе с наследственным правом наверху появляется наследственная обязанность внизу.

В одном доме рождается ребёнок, которому предстоит стать вождём не потому, что он уже продемонстрировал мудрость, храбрость или щедрость, а потому, что вождём был его отец; в соседнем доме рождается другой ребёнок, которому через двадцать лет предстоит отдавать первому часть урожая не потому, что тот когда-либо помог ему, не потому, что он его выбрал и даже не потому, что считает будущего вождя достойным.

Они ещё лежат в колыбелях, ничего не знают друг о друге и никому ничего сознательно не обещали, однако общественная конструкция уже решила, кем они будут друг для друга. Личный долг превратился в общественный.

Когда-то человек мог сказать: «Я принесу ему две корзины, потому что в прошлом году он спас мою семью». Его сын уже объясняет иначе: «Мы всегда приносили этому дому часть урожая». А внук, возможно, вообще не поймёт вопроса и ответит: «Как почему? Так положено».

Именно время становится одним из главных союзников власти, потому что порядок, однажды существующий достаточно долго, постепенно перестаёт нуждаться в первоначальном объяснении.

Власть в этом смысле очень похожа на тропу в высокой траве: первый человек прошёл здесь потому, что ему показалось удобнее, второй увидел примятые стебли и пошёл следом, через несколько лет образовалась дорожка, через несколько поколений никто уже не помнит, почему путь проходит именно здесь, а человек, предложивший пройти в другом месте, выглядит странным именно потому, что старая тропа самим своим существованием словно доказывает правильность выбранного направления. Обычай превращает решение прошлого в ограничение настоящего.

Когда люди начинают забывать практическую причину особого статуса, общество обычно окружает этот статус символами, которые делают его ещё более убедительным: у вождя появляется определённое место на собрании, ему первому подают пищу, он носит особое украшение или одежду, к нему обращаются иначе, чем к остальным, причём каждое такое отличие сначала может иметь совершенно простое объяснение.

Возможно, он сидит выше потому, что с этого места его лучше слышно; возможно, ему первым дают чашу потому, что именно он открывает церемонию. Но ребёнок, выросший внутри подобного порядка, уже не видел первоначального практического решения и потому воспринимает символ как свойство самого мира: вождь сидит выше остальных не потому, что так однажды оказалось удобнее, а потому, что вождь вообще должен находиться выше.

Дальше человеческое воображение выполняет работу, которую никакой охране не удалось бы проделать столь эффективно. Род вождя оказывается связан с великим предком, затем предок получает черты героя, герой — связь с духами, а ещё через некоторое время право управлять уже объясняется не человеческим решением, которое можно пересмотреть, а порядком, установленным теми силами, с которыми обычному человеку спорить гораздо сложнее.

Политика довольно рано обнаружила один великолепный принцип: самое устойчивое неравенство — то, которое перестало казаться результатом человеческого решения. Если люди сами дали человеку власть, однажды они могут решить забрать её обратно; если власть дана предками, сопротивляться уже труднее; если её установили боги, неповиновение становится нарушением не только политического, но и мирового порядка.

Одновременно меняется и язык, потому что язык власти почти всегда сообщает больше, чем кажется. Когда община только начинает кормить человека, который занимается общими

делами, благодарен должен быть он; чуть позже благодарность становится взаимной, потому что люди ценят хорошего вождя, а вождь ценит их поддержку; затем направление благодарности постепенно меняется, и уже люди благодарят правителя за помощь, защиту, праздник, прощённый долг или освобождение от обязанности.

Через столетия монарх будет «даровать» землю, которую не создавал, «даровать» право вести торговлю, «даровать» освобождение от налога, который сам же собирает, а иногда даже «даровать» жизнь человеку, которого мог бы казнить, причём само слово незаметно решает важнейший философский вопрос заранее: если кто-то дарует свободу, значит, свобода словно изначально находится в его собственности.

Эта трансформация особенно хорошо заметна на перераспределении. Пусть поселение производит условные сто корзин продукта и десять добровольно откладывает в общий запас, который в трудный год распределяется между семьями, потерявшими урожай; перед нами прекрасная система взаимопомощи, и человек, хорошо управляющий запасом, приносит очевидную пользу.

Следующее поколение складывает уже двадцать корзин, поскольку поселение выросло, а вместе с запасом приходится кормить тех, кто занят его охраной и распределением; ещё позже общий фонд становится больше, содержание аппарата — дороже, однако помощь по-прежнему выглядит как дар центра, тогда как многочисленные маленькие взносы отдельных людей почти незаметны. Получатель знает имя того, кто распорядился помочь, плательщик видит только свою небольшую долю, и потому благодарность снова движется вверх быстрее, чем память о цене.

Но до сих пор всей этой системе недостаёт одного свойства, без которого власть остаётся неполной. Человек всё ещё способен отказаться.

Его могут осудить соседи, назвать жадным, напомнить о помощи, полученной его отцом, перестать приглашать на общие пиры, но если он однажды встанет возле своего дома и скажет: «В этом году я ничего не дам, потому что не считаю себя обязанным», возникает вопрос, от ответа на который зависит вся последующая политическая история: что произойдёт дальше?

И вот здесь возвращается оружие.

Причина появления постоянных вооружённых людей вовсе не обязана иметь отношение к сбору дани, потому что оседлое поселение с запасами зерна, скотом и землёй неизбежно становится привлекательной целью для соседей, а земледельцы не могут одновременно пахать поле и круглые сутки охранять амбар; поэтому совершенно разумно выделить несколько людей, которые будут лучше остальных владеть оружием, освободить их от части обычной работы и кормить общим продуктом, чтобы они занимались защитой профессионально.

Однако копьё обладает одним удивительно простым свойством: оно одинаково хорошо действует против чужого и против своего. Человек, способный остановить соседнее племя, которое хочет забрать общий запас, способен остановить и собственного земледельца, который отказывается принести положенную долю.

И если вооружённые люди связаны уже не просто с общиной, а с вождём, получают пищу через него, занимают благодаря ему привилегированное положение и понимают, что их собственное благополучие зависит от сохранения существующей системы, добровольная обязанность приобретает новое качество. К дому неплательщика теперь можно прийти не с упрёком, а с оружием.

— Ты должен принести две корзины.

— Я не буду.

— Тогда мы возьмём их сами.

Между этими тремя фразами помещается огромная часть истории государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.